

ОТРАЖЕНИЕ

ОТРАЖЕНИЕ

ОТРАЖЕНИЕ

ОТРАЖЕНИЕ

ОТРАЖЕНИЕ

Кн. обозрение. — 1999. — 15 нояб. — с. 18

Китайский текстиль, корейские компьютеры, японские автомобили — к изобилию относительно дешевой продукции, привезенной с Востока, мы привыкли, как к явлению природы. Но под иным углом зрения это называется торговой экспансией. Число китайцев на нашем Дальнем Востоке, в Москве да и вообще в России растет в геометрической прогрессии. Можно к этому относиться спокойно. А можно назвать этнической экспансией. Изменение национальных пропорций в населении западных штатов США, впрочем, тоже скоро позволит считать эти штаты скорее китайско-корейскими. И не важно, стихийно идет процесс превращения Тихого океана во внутренний водоем монголоидной расы или целенаправленно... Хотя, в общем, не варвары какие-нибудь проводят экспансию, а народы культурные. Но вот с культурой-то как раз и заговоздка...

КОГДА-ТО в некоторых антропологических кругах бытовала гипотеза о трех совершенно разных ветвях антропогенеза. Мол, негроиды произошли от австралопитеков, монголоиды — от синантропов, а европеоиды, само собой, от неандертальцев, самых продвинутых. Очевидно, это не так и сильно пахнет расизмом. Но, с другой стороны, очевиден и следующий факт. Даже если дальневосточная и — охватим пошире — ближневосточно-средиземноморская цивилизации имеют общие корни, то их развитие пошло уж больно разными путями. Но отнюдь не во всем, что важно и о чем ниже.

Со времени подлинного «открытия» Китая, Японии, Кореи в прошлом столетии, то есть открытия целой сети внешнеторговых портов, разрешения подданным восточных владык поддерживать широкие контакты с европейцами, и пошла мода на восточное. Именно мода, которая предполагает поверхностное, стилевое влияние разных граней восточной культуры, но не касается ее подлинных основ. Мода — первый и безобидный шаг в культурно-этнической экспансии, который может и не иметь далеко идущих последствий. Даже, как это ни странно, мода на... образ жизни.

Сначала были восточная кулинария и медицина. Затем — философия, искусство икебаны, стихосложение в форме танка и хокку и проч. Но главная мода — боевые единоборства. И вот мы имеем совершенно оригинальный симбиоз двух сторон восточной культуры, представленный в книге американца Джона Литтла. «Путь воина» — система воспитания и жизненных ценностей, исповедуемая знаменитым американским киноактером и мастером кунг-фу Брюсом Ли. В книге практически совсем не затрагиваются техническая или спортивная стороны восточных единоборств, но почти исключительно — философская. То есть Джон Литтл излагает философию Брюса Ли.

Забудем иронические стереотипы об умственных способностях большинства спортсменов и актеров. Забудем и постановочные стереотипы всех этих гонконгских, американских, индийских, а теперь уже и наших фильмов о бойцах карате, кунг-фу, ушу и таэквондо. Приглядимся к фигуре до сих пор популярного в определенных кругах американского китаца Брюса Ли.

В КАНОНИЗАЦИИ культовой фигуры очень хорошо срабатывает фактор короткой жизни. Брюс Ли (взрослое китайское имя Ли Сюнь) родился в 1940 году в Сан-Франциско, а умер в 1973-м в Гонконге от опухоли мозга. Не считая детских ролей, успел сняться в четырех фильмах и шести сериалах. Написал одну небольшую книжечку «Китайское кунг-фу: философское искусство самообороны», которую издал за свой счет тиражом 500 экземпляров. И там, помимо технического описания приемов борьбы, дал идеологическое, так сказать, обоснование сей спортивно-оздоровительно-мировоззренческой, но все же боевой системе на постулатах даосизма. Что, в общем, естественно... И изобрел свой собственный стиль единоборства «джит кун до».

А где же философия? Она, оказывается, проповедовалась устно и в переписке и сохранилась благодаря воспоминаниям учеников. Брюс Ли был весьма популярной фигурой в Голливуде в первую очередь из-за своих замечательных спортивных способностей. Среди бравших у него уроки встречались и настоящие знаменитости вроде режиссера Романа Полански и баскетболиста, позднее актера Карима Абдула Джаббара. Правда, автор, а скорее, переводчица упорно считает Джаббара боксером.

Легко допустить, что собеседником, проповедником, мыслителем Брюс Ли был замечательным. Но наши зрители-читатели, для которых издана эта книга, представляют его в первую очередь как актера, умевшего замечательно махать руками и ногами. А вот как актера, умевшего создавать незабываемые человеческие образы, типажи, умевшего играть... Вряд ли.

Давно стали киноклассикой фильмы, допустим, Акиры Куросавы и Кането Синдо. Китайские кинематографисты в последнее время иногда снимают нечто совершенно замечательное. И впечатляющее любого истинного ценителя, несмотря на все особенности восточной кинофилософии. Но все эти «картешные», «кунг-фушные» фильмы — совершенно особый жанр, состоящий с искусством в родстве довольно дальнем. И привлекают они зрителя специфического.

Возможно, поверхностно знакомый с даосизмом и с восточной культурой вообще человек просто неспособен разглядеть в таком кино что-либо, кроме изысканного мордобоя. А любой, даже малообразованный китаец — способен. И не удивляется, когда герой после серии полученных нокаутирующих ударов только покрутит головой и снова резво скачет. И все же девяносто пять процентов любителей такого кино, дублированного на русский, английский, польский, французский, с даосизмом, как правило, не знакомы вовсе и, кроме грамотного мордобоя, никаких чудес в этих фильмах не находят. Ленты, где снимался Брюс Ли («Большой босс», «Кулаки ярости», «Выход Дракона»), сериалы «Зеленый Шершень», «Лонг-стрит» и пр., безусловно, к такому жанру и относятся.

Так что цель автора и издателей перевода прозрачна. Если человек в достаточной степени образован и любознателен, то он может ознакомиться с философией даосизма по первоисточ-

Литтл Дж. Брюс Ли. Путь воина / Пер. с англ. Е. Богдановой. — М.: ФАИР-Пресс, 1999. — 304 с. 10 000 экз. (о) ISBN 5-8183-0086-2

нику, трактату «Дао дэ цзин». Книга же «Брюс Ли. Путь воина» обращена к поклонникам американского актера и фильмов про яростные кулаки, простодушным ученикам различных секций восточных единоборств. Ибо если они не поняли, что цель овладения боевыми приемами не агрессивные нападения на «лохов» или болельщиков «Спартака», а гармонизация внутренней энергии «ци», то благодаря доходчивым словам кинокумира поймут. И узнают, что даже такие всеобъемлющие понятия, как баксы и попса, можно разделить на «инь»- и «ян»-составляющие.

ФИЛОСОФИЯ БРЮСА ЛИ, точнее говоря, философия полубогатого отца даосизма Лао-цзы в толковании актера проста как бойцовая стойка. «Путь воина» — это овладение боевыми приемами, но неприменение их. Это исключительная терпимость по отношению к окружающим. Это органичное существование человека в мире. Это недеяние как самый простой способ достижения личного счастья. Это покорность по отношению к обстоятельствам, включая и внешнюю власть. Это почтение к старшим и к традициям. Это, наконец, неверие в Бога, но вера в судьбу.

Да, действительно так. Любой китаец и японист, более-менее глубоко знакомый с восточной культурой, с восточной системой ценностей, объяснит, что будет глубокой ошибкой воспринимать все эти восточные боевые искусства как системы, действительно требующие боевого применения. К ним можно относиться как к видам спорта, подобным боксу или фехтованию. Но снимать кино с условными синяками и кро-

вью и уж тем более в реальности кого-то избивать с помощью этих приемов — аморально. Истинный кунгфуист и каратист такой же умиротворенный и сосредоточенный созерцатель, как мастер чайной церемонии или каллиграф. Даже китайское или японское искусство владения мечом — скорее ритуальный танец либо гимнастическая система, чем всамделишное боевое искусство. Очередная красивая и архаичная в век ядерного оружия традиция. И монахи знаменитого монастыря Шаолинь, изобретатели кунг-фу, ни с кем никогда, кроме как в кино, не дрались.

Понять это, впрочем, не так уж легко. Почему «путь воина» не есть подготовка воина, который должен уметь атаковать и убивать? Почему удар спарринг-партнера в прыжке ногою в зубы... не есть удар в прыжке ногою в зубы?

Давно уже не загадка «Востока, дела тонкого» — принципиально иное отношение к человеческой жизни, сложившееся там, в сравнении с отношением к ней на Западе. Все в мире преходяще, все иллюзорно, а следовательно, не имеет никакой исключительной ценности. Все, включая жизнь... Человеком вообще считается только тот, кто живет в определенной и довольно консервативной системе традиций, предполагающей абсолютное подчинение старшим по иерархии, выполняет необходимые ритуалы и не старается выйти за рамки судьбы, предсказанной учеными астрологами, хиромантами и прочими гадалками. Выпадение из этой системы делает смерть выпавшего естественной и желанной. И тысячи лет на Востоке не только чтились семейные узы, социальные связи, но и закреплялась в сознании власть мужа над жизнью жены, власть господина над жизнью вассала. Терпимость к инородцам, к «варварам» соседствовала с легкостью их умерщвления, если оно было необходимо.

При этом всегда существовали стимулы и ценности, свойственные китацам в такой же степени, как и русским, немцам или африканцам во все века. Человеку вообще. Стремление к материальному обогащению, стремление к власти. В самых главных чертах, обусловленных этими инстинктами, организация общества на Востоке ничем принципиальным от его организации на Западе не отличалась. Потому что воевали на Востоке ничуть не меньше, чем на Западе. Взять, к примеру, Японию, классическое замкнутое общество с четкой социальной иерархией. Средневековую Японию никогда не завоевывали внешние враги. Но вся ее история — месиво кровавых междоусобиц. Человек с любым разрезом глаз агрессивен, нигде от этого не деться. И воины только на досуге могли предаваться созерцанию движения энергии «ци» в своем теле и взаимопротекания «инь» и «ян» во всей природе. При исполнении своих служебных обязанностей они должны были убивать врага. И выживали в бою и получали награды как раз те, кто лучше владел всеми этими якобы мирными боевыми искусствами.

КОРОЧЕ ГОВОРЯ, логика и знание простейших законов природы показывает, что несколько презираемый Брюсом Ли анализ не такой уж плохой метод мышления. Китайская панда ярко окрашена и питается молодым бамбуком. Западный енот серенький и питается чем Бог пошлет. Но оба зверя не прочь полакомиться из человеческой помойки, если станет голодно. И сколько бы ни редили восточные боевые искусства в философские одежды, это очень специфические, очень древние системы, по которым некогда готовили все-таки не философов, а солдат.

А теперь вернемся к вопросу об экспансии. «Мирное» завоевание Запада Востоком должно обязательно иметь культурную составляющую, особенно массово-культурную, доступную практически каждому обывателю. Как раз эту функцию и может с успехом выполнить книга Джона Литтла. Философия, пропагандируемая яростными криками и ударами, рассекающими воздух, — поди плохо. Вот только кого будут напоминать толпы неопитов, которые примут чуждое мировоззрение, не закрепленное в подсознании опытом предков? Правильно, тоже солдат. Чья жизнь, как принято на Востоке, ничего не стоит.

Павел КУЗЬМЕНКО